

A large, metallic satellite dish antenna is the central focus, mounted on a complex mechanical base. To its left stands a tall, slender lattice tower with a platform at the top. In the foreground, a person wearing a dark, heavy winter jacket and a hood stands on a dirt path, looking towards the camera. The background features a line of trees under a grey, overcast sky. The overall tone is somber and industrial.

Капитан М.

Эхо орбиты

Капитан М. Эхо орбиты

<https://litres.ru/74567887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Техник Алексей Воронов, обслуживающий гигантский радиотелескоп в сибирской глуши, перехватывает зашифрованный сигнал. Оказывается, это команда на активацию «спящих агентов» — законсервированных убийц, разбросанных по всей стране. Когда за ним отправляют отряд «чистильщиков», Алексей использует тарелку как оружие: микроволновый импульс, радар, акустический удар. Так начинается его путь в составе странной команды — девушки без прошлого, гениального радиста и верного пса Бурана. Им предстоит вскрыть старый бункер, найти тайник в колодце, уничтожить передатчики в Новосибирске и Томске, проникнуть в московский архив и выйти на след внеземного сигнала, который старше человечества. «Эхо орбиты» — это боевик о погонях и перестрелках, триллер о заговоре и памяти, приключение о дружбе и любви. И немного комедия — потому что даже в конце мира есть место для собаки, которая ловит снежинки.

Содержание

Глава 1. Тишина, которая не молчит	4
Глава 2. Кофе, который не предлагают просто так	23
Глава 3. Город, который спит с открытыми глазами	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Капитан М. Эхо орбиты

Глава 1. Тишина, которая не молчит

Осень в этих краях никогда не приходила мягко. Она обрушивалась на тайгу, как сорвавшийся с цепи зверь, заливая всё вокруг свинцовым туманом и мелким, назойливым дождём, который, казалось, проникал в самую суть вещей, делая их тяжёлыми, сырыми и безнадёжными. Именно в такое время года, вдали от городов, дорог и человеческого тепла, на границе с вечной мерзлотой, притаилась станция «Призма-7». Официально она числилась как «гидрометеорологический и геофизический наблюдательный пункт», но на самом деле это был радиотелескоп. Огромная, чёрная, как глаз бездны, тарелка, уставившаяся в низкое, затянутое облаками небо. Она была настолько велика, что её края терялись в тумане, а бетонное основание, уходящее в землю, напоминало фундамент древнего, забытого богами храма.

Внутри станции, в тесном, пропахшем озоном и машинным маслом отсеке управления, сидел Алексей Воронов. Тридцать два года, небритый, с усталыми, но вниматель-

ными глазами. Он был техником. Единственным человеком на сотни километров вокруг. Его мир состоял из гудящих трансформаторов, мигающих индикаторов на панелях, запаха старого кофе и бесконечного, монотонного шума эфира. Алексей любил эту работу. Здесь, в глуши, он чувствовал себя частью чего-то большего, чем просто человек. Он слушал шёпот Вселенной, ловил отголоски далёких галактик, пульсаров и чёрных дыр. Это было сродни медитации. Только вместо мантры — белый шум, а вместо благовоний — запах перегретой электроники.

Сегодня с утра всё шло наперекосяк. Сначала отказал один из резервных генераторов. Потом, как назло, заело лентку на южном приводе тарелки, и Алексею пришлось лезть наверх, в промозглую, продуваемую всеми ветрами люльку, чтобы вручную смазать заклинивший механизм. Он провозился три часа, промок до нитки и проклял всё на свете, включая свою тягу к уединению. Вернувшись в отсек, он первым делом включил электрический чайник и, стуча зубами, натянул на себя второй свитер. Только после этого он уселся в своё потертое кресло перед главным пультом.

На экране спектроанализатора привычно плясали кривые, отображающие интенсивность радиоизлучения в различных диапазонах. Это был обычный фон. Шум космоса, помехи от земных вышек, редкие всплески от солнечной активности. Алексей машинально потянулся к кружке, но его рука замерла на полпути. В правом нижнем углу монитора, в диапазо-

не сверхдлинных волн, появился странный, нехарактерный для естественных источников сигнал. Он не был похож на хаотичный шум пульсара или на плавную кривую, описывающую активность квазара. Это была строго периодическая последовательность импульсов. Короткий, короткий, длинный. Пауза. Короткий, короткий, длинный. Пауза. И снова. Как азбука Морзе, но с каким-то сдвинутым, нечеловеческим ритмом.

Алексей нахмурился. Он слышал о таком. Теоретически. Учёные называли это «сигналами с низкой энтропией». Это означало, что сигнал имеет структуру, а значит, у него есть источник. И этот источник, скорее всего, разумен. Но откуда? Направление прихода сигнала было размытым, словно его источник находился не в космосе, а где-то совсем рядом, на Земле, но при этом передавался с орбиты, отражаясь от ионосферы. Алексей сбросил данные на дополнительный блок обработки и запустил программу триангуляции. Результат его озадачил. Источник сигнала находился не в космосе. Он шёл с поверхности планеты. Точнее, с одного из узлов засекреченной военной сети, расположенной в трёхстах километрах к югу, в районе заброшенного военного городка.

— Что за чёрт? — пробормотал Алексей, откидываясь в кресле. — Это не может быть военная частота. Она вообще не используется.

Он увеличил масштаб. Сигнал был не просто набором им-

пульсов. Это был пакет данных. Зашифрованный. И, судя по структуре заголовка, это была команда. Команда на активацию. В его голове что-то щёлкнуло. Он вспомнил смутные слухи, ходившие среди старых техников, которые работали здесь ещё во времена холодной войны. Говорили о «спящих». Агентах, законсервированных на десятилетия, которые должны были проснуться по сигналу из центра. Но холодная война закончилась. Или только притворялась, что закончилась?

Алексей попытался связаться с внешним миром. Он набрал код экстренной связи с диспетчерским центром в Новосибирске. Тишина. Он попробовал спутниковый телефон. На экране появилось сообщение об ошибке. Сигнал есть, но канал заблокирован. Помехи. Кто-то очень не хотел, чтобы он позвонил. Тогда Алексей решил использовать старую, аналоговую радиостанцию, которую держал на случай полного отказа электроники. Он включил её, настроился на частоту спасательных служб и нажал на передачу.

— Внимание! Говорит станция «Призма-7»! Код «Орион-9». Повторяю, код «Орион-9». Обнаружен неопознанный зашифрованный сигнал с наземного источника. Возможна активация спящего агента. Прошу ответить!

В ответ из динамика донёсся лишь злобный треск статических разрядов. А затем, сквозь этот треск, он услышал голос. Не ответ диспетчера. Это был записанный, синтезированный голос, лишённый всяких эмоций.

— Техник Воронов Алексей Игоревич. Вы находитесь на объекте, не подлежащем разглашению. Ваши действия расцениваются как нарушение протокола «Молчание». Оставайтесь на месте. К вам направлена группа зачистки.

Связь оборвалась. Алексей медленно положил микрофон. Его сердце колотилось где-то в горле. «Группа зачистки». Это звучало как приговор. Он знал, что такие группы не приезжают для того, чтобы поговорить. Они приезжают, чтобы стереть. Стереть его, стереть станцию, стереть сам факт того, что он что-то услышал.

Алексей вскочил с кресла. Паника — плохой советчик, он это знал. Нужно было действовать. Он подбежал к пульту управления тарелкой. «Призма-7» была не просто радиотелескопом. В годы холодной войны её создавали как двойной агент. Она могла слушать космос, но могла и передавать. И не только данные. В её недрах, среди огромных магнетронов и клистронов, скрывался режим, о котором не писали в инструкциях. Режим направленного электромагнитного импульса. Гигантская микроволновая печь. Если направить всю мощность на небольшую цель, можно было не просто «поджарить» электронику. Можно было «поджарить» и живую силу. А ещё тарелка могла работать как радар. Огромный, чудовищно мощный радар, способный видеть сквозь туман и лес, как сквозь прозрачное стекло.

Но для этого нужно было время. И энергия. Алексей бросился к дизель-генераторам. Он запустил оба. Один работал

на пределе, второй он включил в параллель, выжимая из него все соки. Стрелки вольтметров дрогнули и поползли вправо. Свет в отсеке мигнул, но не погас. Станция задрожала, как в лихорадке. Тарелка, эта чёрная громадина, начала медленно, со скрипом, поворачиваться. Алексей вручную вводил координаты. Он знал, откуда придут «чистильщики». Единственная дорога, ведущая к станции, была перекрыта с двух сторон. Они приедут с юга, по старому бетонному тракту, который остался ещё от военных строителей.

Он настроил тарелку в режим сканирования. Теперь она не слушала космос. Она просвечивала тайгу на юге. На экране радара появилась зелёная сетка. И в этой сетке, среди хаоса отражений от деревьев и сопok, проявились три чёткие, быстро движущиеся точки. Три машины. Они шли плотной группой, на большой скорости. До станции оставалось около сорока километров. При такой скорости у него было не больше полчаса.

Алексей переключил тарелку в режим «Микроволновка». Он не мог использовать его на такой дистанции. Мощность рассеивалась. Но он мог подготовить ловушку. Он вспомнил, что вдоль дороги, в низине, где всегда стоял густой туман, была заброшенная высоковольтная вышка. Если направить импульс туда, в туман, можно создать плазменный шар. Это не убьёт, но на время выведет из строя электронику машин. А главное — это будет выглядеть как аномалия, как природное явление. Никто не подумает на станцию. По крайней ме-

ре, сразу.

Он ввёл координаты вышки. Зарядил конденсаторную батарею. На пульте загорелся красный индикатор готовности. Оставалось только нажать кнопку. Но тут он услышал звук. Даже сквозь гул генераторов и шум дождя он различил низкий, рокочущий гул вертолётных винтов. Он посмотрел на радар. Три точки на дороге всё ещё двигались. Но теперь к ним добавилась четвёртая. Она приближалась с воздуха. И шла она не с юга, а с севера, со стороны гор. Это был не транспортный вертолёт. Это был боевой вертолёт огневой поддержки.

— Вот чёрт, — выдохнул Алексей. — Они не просто едут. Они летят.

Он понял, что его план с ловушкой на дороге может не сработать. Если вертолёт подойдёт первым, он просто расстреляет тарелку с воздуха. Нужно было что-то делать. И делать быстро. Он переключил тарелку на режим радара и направил её на вертолёт. На экране появилась метка. Вертолёт шёл на высоте двухсот метров, со скоростью триста километров в час. Он был один. Алексей понял, что у него есть один шанс. Если он выстрелит микроволновым импульсом прямо в вертолёт, он сможет либо сжечь его электронику, либо, если повезёт, подорвать топливные баки. Но это было бы слишком очевидно. Тогда он решил рискнуть. Он направил тарелку не на вертолёт, а на воздух перед ним. Он создал в атмосфере зону ионизации. Микроволновый импульс, прой-

дя через влажный воздух, превратил его в плазму. Вертолёт влетел в это облако. Раздался оглушительный хлопок, и вертолёт, потеряв управление, начал падать. Он рухнул где-то в тайге, в нескольких километрах от станции. Взрыва Алексей не увидел, но почувствовал, как дрогнула земля.

Теперь у него было время. Но «чистильщики» на машинах уже подъезжали. Они были в двадцати километрах. Алексей снова переключил тарелку на сканирование. Три точки. Они остановились. Видимо, они видели падение вертолёта и поняли, что что-то не так. Они начали рассредоточиваться. Одна машина осталась на месте, две другие начали объезжать станцию с флангов. Они знали, что делают. Алексей понял, что просто так их не взять. Нужно было использовать туман. Он включил режим «Микроволновка» на полную мощность и направил тарелку в низину перед станцией. Туман начал светиться. Сначала слабо, потом всё ярче. Воздух задрожал. Влажность была такой высокой, что микроволны начали буквально вскипать воду в воздухе. Образовалось плотное, раскалённое облако. Оно двинулось в сторону дороги, навстречу машинам.

Алексей смотрел на экран радара. Две точки, объезжавшие станцию, вдруг остановились. Потом одна из них начала двигаться хаотично, вилять из стороны в сторону, и в конце концов съехала в кювет. Вторая точка замерла на месте. Третья машина, которая осталась на дороге, начала медленно отступать. Но было поздно. Раскалённое облако накрыло

её. Алексей не слышал криков, но он видел, как на экране радара метка исчезла. Просто пропала. Он выключил микроволновый режим. Тарелка снова стала просто тарелкой. Тишина. Только шум дождя и гул генераторов.

Алексей откинулся в кресле. Его трясло. Он только что убил нескольких человек. Или вывел из строя. Он не знал. Но он был жив. И станция была цела. Однако он понимал, что это только начало. Если они послали отряд, они пошлют ещё. И в следующий раз их будет больше. И они будут умнее. Он посмотрел на пульт. На табло мигал сигнал о перегреве магнетрона. Ему нужно было время, чтобы остудить систему. Время, которого у него не было.

Он встал и подошёл к окну. В тумане, среди чёрных стволов сосен, что-то двигалось. Это был не человек. Это был медведь. Огромный, бурый, он вышел на поляну перед станцией и остановился, принюхиваясь. Алексей смотрел на него и вдруг понял, что это не просто медведь. Это был ещё один «чистильщик». Только четвероногий. И, судя по тому, как он себя вёл, он был не один. Алексей вздохнул. Он взял со стола дробовик, который держал на случай встречи с дикими зверями, и проверил патроны. Их было всего шесть. Шесть патронов против неизвестного количества врагов. Он усмехнулся. Ну что ж. По крайней мере, у него была тарелка. Гигантская микроволновка. И радар. И туман. Он был не так уж и безоружен.

Он вернулся к пультам. Теперь нужно было подготовиться

к новой атаке. Он начал перенастраивать тарелку. Теперь она будет работать не как оружие, а как щит. Он создаст вокруг станции невидимое поле. Электромагнитный купол. Всё, что попытается приблизиться, будет либо сбито с толку, либо уничтожено. Но на это нужна была энергия. Очень много энергии. Он взглянул на датчики топлива. В баках оставалось ещё достаточно солярки. Часов на двенадцать. Может, на пятнадцать. А потом? Потом придётся что-то придумать. Но пока он жив. И он будет бороться.

Он снова посмотрел на экран радара. Медведь исчез. Но в глубине леса, на границе зоны видимости, появились новые точки. Они были маленькие. И их было много. Они шли цепью. Прочёсывали лес. Алексей понял, что это пехота. Они не торопились. Они знали, что он в ловушке. Они хотели его вымотать. Что ж. Он тоже умел ждать. Он включил кофеварку. Если уж умирать, то не на трезвую голову. Кофе был отвратительный, но горячий. Он сделал глоток и улыбнулся. Впервые за сегодняшний день он почувствовал что-то похожее на азарт. Это была не просто работа. Это была игра. И он был не просто техником. Он был охотником. А тарелка была его ружьём. И он собирался дорого продать свою жизнь.

Он допил кофе, поставил кружку на пульт и положил руки на клавиатуру. Пальцы забегали по кнопкам. Тарелка снова начала поворачиваться. Теперь она смотрела не на юг, а на восток. Туда, где начинались болота. Он знал, что там есть старая, заброшенная дорога. Если «чистильщики» ре-

шат зайти с той стороны, они увязнут в трясине. А он поможет им увязнуть. Он включил режим низкочастотного излучения. Это было не смертельно, но очень неприятно. Вибрации, которые вызывают тошноту, головокружение и панику. Он направил луч на болото. Через минуту на экране радара точки на востоке начали метаться. Некоторые из них замерли. Некоторые начали двигаться в обратном направлении. Он услышал далёкие, приглушённые крики. Крики ужаса.

Алексей откинулся в кресле. Он устало посмотрел на тарелку. Она была похожа на огромное ухо, слушающее тишину. Но сегодня она говорила. И её голос был разрушительным. Он погладил холодный металл пульта. «Спасибо, старушка, — прошептал он. — Ты сегодня спасла мне жизнь. Но это ещё не конец».

Он встал. Нужно было проверить генераторы. И найти что-нибудь поесть. Он не ел с утра. А впереди была долгая ночь. Он вышел из отсека управления и направился в сторону кухни. В коридоре пахло гарью и озоном. Свет мигал. Где-то капала вода. Но он не обращал внимания. Он думал о том, что скажет, если его найдут. Что он им скажет? Что он просто техник, который услышал странный сигнал? Что он защищался? Или что он тот, кто раскрыл заговор? Он не знал. Но он знал одно. Он не сдастся. Он будет драться до конца. И тарелка поможет ему. Ведь это не просто радиотелескоп. Это эхо орбиты. И оно звучит для него.

Он достал из шкафа банку тушёнки и кусок хлеба. Сел

за стол. И вдруг понял, что впервые за долгое время он не один. У него есть цель. И есть враг. А это уже немало. Он открыл банку и начал есть. Впереди была война. И он был готов к ней. Алексей доел тушёнку, вытер руки о край свитера и уже собирался вернуться в отсек управления, когда на пульте, оставленном без присмотра, требовательно запищал зуммер. Звук был резкий, нетерпеливый, как будто тарелка обиделась, что её бросили одну. Техник бросил банку в мусорное ведро, промахнулся, чертыхнулся и побежал по коридору, скользя по влажному бетонному полу. В отсеке мигала жёлтая лампа предупреждения. На экране радара, в юго-западном секторе, проявилась новая группа отметок. Не машины. Люди. Цепь из пяти точек, растянувшихся полумесяцем. Они двигались медленно, осторожно, через подлесок, обходя открытые участки. Профессионалы. Сразу видно.

Алексей плюхнулся в кресло, вытер ладони о штаны и увеличил масштаб. Пятеро. Дистанция — восемь километров. Скорость — около трёх километров в час. С такой осторожностью они доберутся до станции часа через два с половиной. Если, конечно, не наткнутся на его ловушку. Он усмехнулся. Ловушек он успел понастроить немало. Ещё в те времена, когда только начинал работать здесь, от скуки и от паранойи, которая иногда накатывала в одиночестве. Он натянул вдоль троп несколько сигнальных растяжек, выкопал парочку ям с заострёнными кольями, замаскировал их ветками. Настоящая партизанская война. Только вместо врагов тогда

ему виделись медведи и браконьеры. Теперь враги были куда опаснее.

Он переключил тарелку в режим низкочастотного сканирования. Экран зарябил, по нему поползли зелёные волны. Алексей нахмурился. Кроме пяти пехотинцев, он заметил ещё одну отметку. Она была крупнее остальных, но двигалась не по земле. Она висела на высоте примерно пятисот метров, медленно смещаясь к северу. Дрон. Разведывательный беспилотник. Вот это было плохо. Дрон видел всё сверху. Он мог заметить и растяжки, и ямы, и самого Алексея, если тот высунется наружу. Нужно было сбить его. Но как? Из дробовика не достанешь. Микроволновым импульсом можно, но это демаскирует станцию. Хотя... Если сделать это быстро и точно, дрон просто отключится и упадёт. Никто не поймёт, что это было. Может, птица. Может, помеха.

Алексей ввёл координаты дрона. Тарелка чуть повернулась, ловя цель в фокус. Он подождал, пока индикатор заряда мигнёт зелёным, и нажал кнопку. Короткий, почти беззвучный импульс ушёл в небо. На экране радара отметка дрона дёрнулась, затем начала быстро снижаться по спирали и через несколько секунд исчезла. Алексей выдохнул. Один ноль в его пользу. Но пехотинцы, судя по всему, заметили потерю связи. Их движение замедлилось. Двое остановились, один начал оглядываться, подняв голову. Они что-то заподозрили. Теперь они пойдут ещё осторожнее.

Алексей поставил чайник. Нервы требовали горячего. По-

ка вода закипала, он обдумывал ситуацию. Пятеро пехотинцев — это не главная угроза. Главная угроза — тот, кто ими командует. И тот, кто послал вертолёт. Если они потеряли связь с дроном и с машинами, они могут просто отступить и вызвать подкрепление. Или, наоборот, озвереть и пойти напролом. В любом случае, ему нужно было время. Время, чтобы остудить магнетрон. Время, чтобы придумать, как выбраться отсюда живым. И время, чтобы понять, что за сигнал он поймал. Потому что от этого зависело всё.

Чайник засвистел. Алексей заварил себе крепкий чай, бросил в кружку три ложки сахара и вернулся к пульта. Пехотинцы снова двинулись. Теперь они шли ещё медленнее, прощупывая каждый метр. Один из них, видимо, сапёр, то и дело опускался на колени, что-то проверяя. Алексей поморщился. Сапёр — это плохо. Он мог обезвредить растяжки. Но ямы с кольями оставались. И ещё у Алексея был один сюрприз, о котором знал только он. Старая цистерна с соляровкой, закопанная у восточной границы станции. Он соединил её с самодельным детонатором. Если подорвать, получится стена огня. Не смертельно, но очень страшно. И очень эффективно против тех, кто идёт цепью.

Он отпил чай. Горячий, сладкий, обжигающий. Хорошо. Мысли начали укладываться в порядок. Он снова взглянул на радар. Пехотинцы были в шести километрах. У него было ещё немного времени. Он решил проверить, что происходит на месте падения вертолёта. Тарелка могла работать как

пассивный локатор, улавливая тепло и металл. Он развернул её в ту сторону. На экране появилось мутное пятно. Вертолёт лежал на боку, винты смяты, корпус обгорел. Но, судя по слабому тепловому следу, кто-то там ещё шевелился. Пилот. Живой. Алексей закусил губу. Оставлять его было нельзя. Он мог вызвать помощь. Но и добивать раненого — это уже за гранью. Он не был убийцей. Он был техником. Пусть даже с гигантской микроволновкой.

Он решил пока не трогать пилота. Пусть лежит. Если повезёт, он не сможет добраться до связи. А если и сможет, то не факт, что его услышат. Глушилка, которую он сам же и включил, работала на всю мощность. Она давила все частоты в радиусе десяти километров. Так что пилот был в изоляции. Как и сам Алексей.

Внезапно в коридоре что-то грохнуло. Алексей вздрогнул, схватил дробовик и прижался к стене. Сердце заколотилось. Он прислушался. Тишина. Потом ещё один грохот, ближе. Кто-то ломился в дверь. Но как? Пехотинцы были ещё далеко. Может, медведь? Или тот самый «чистильщик» на четырёх лапах? Алексей осторожно выглянул в коридор. Дверь на кухню была приоткрыта. Оттуда тянуло холодом и запахом мокрой шерсти. Он поднял дробовик и медленно пошёл вперёд. За дверью, в полумраке, кто-то сопел. Алексей толкнул дверь ногой. На полу, среди разбитой посуды, сидел огромный, мокрый, дрожащий пёс. Овчарка. С оборванным поводком на шее. Пёс посмотрел на него огромными, испуганны-

ми глазами и тихо заскулил. Алексей опустил дробовик.

— Ты откуда взялся? — спросил он. — Тоже «чистильщик»? Только хвостатый?

Пёс вильнул хвостом. Алексей вздохнул. Собак он любил. И эта овчарка, судя по всему, была из тех, кого «чистильщики» взяли с собой для поиска. Но она потерялась, испугалась выстрелов и прибежала к единственному тёплому месту. Он присел на корточки и протянул руку. Пёс обнюхал его ладонь, лизнул и снова заскулил. Алексей заметил, что у него на боку была ссадина, а лапа кровоточила. Он взял аптечку, обработал рану, перевязал. Пёс терпел, только тихо покусывал. Закончив, Алексей дал ему кусок хлеба и остатки тушёнки. Овчарка проглотила всё за секунду и посмотрела на него с благодарностью.

— Ладно, — сказал Алексей. — Будешь моим вторым пилотом. Как тебя звать? Наверное, какая-нибудь кличка дурацкая. Рекс? Джек? Нет, ты не похож на Джека. Будешь... Буран. Потому что ты пришёл из бурана. Хотя бурана нет. Но всё равно. Буран.

Пёс, услышав своё новое имя, вильнул хвостом и гавкнул. Алексей улыбнулся. Впервые за сегодняшний день улыбнулся по-настоящему. Теперь у него был союзник. Пусть даже четвероногий. Он вернулся в отсек, и Буран, прихрамывая, пошёл за ним. Улегся у кресла, положил голову на лапы и закрыл глаза. Алексей посмотрел на него и почувствовал, что паника отступила. Война войной, а обед по расписанию. И

собака рядом. Уже легче.

На радаре пехотинцы приблизились на пять километров. Они шли ровно, без спешки. Алексей решил, что пора действовать. Он включил режим направленного акустического удара. Это была ещё одна функция тарелки, о которой не писали в инструкции. Сфокусированный ультразвук. Он направил луч на цепь пехотинцев. Не на всех сразу, а на одного, самого правого. На экране было видно, как точка дёрнулась, потом начала метаться. Человек схватился за голову. Ультразвук вызывал резкую боль в ушах, дезориентацию, тошноту. Он не убивал, но выводил из строя. Через несколько секунд точка упала. Остальные остановились. Один начал стрелять в белый свет, наугад. Трассеры прорезали туман, но не достали до станции. Алексей выключил ультразвук. Не хотел, чтобы у него лопнули перепонки. Он просто хотел их задержать.

Пехотинцы залегли. Они больше не двигались вперёд. Они ждали. Алексей понял, что они ждут подкрепления. Или приказа. Он посмотрел на часы. Прошло уже два часа с момента первого сигнала. За это время он уничтожил вертолёт, вывел из строя три машины, сбил дрон, обезвредил одного пехотинца. И всё ещё был жив. Но патронов у него было мало. Дизеля — часов на десять. А врагов становилось всё больше. Он снова взглянул на радар. И увидел, что с юга, по дороге, к станции приближается ещё одна колонна. На этот раз — четыре машины. И среди них — одна большая,

с мощным глушителем. Глушилка работала на другом принципе. Она не давила все частоты, а создавала помехи точно в диапазоне тарелки. Это означало, что его главное оружие скоро перестанет работать.

Алексей понял, что нужно срочно что-то менять. Он не мог больше сидеть в обороне. Нужно было нанести удар первым. Он решил использовать тарелку как гигантский излучатель, но не микроволновый, а электромагнитный. Создать импульс, который выжжет всю электронику в радиусе километра. Это было рискованно. Могло вырубить и саму станцию. Но у него был план. Он подключил тарелку к резервному контуру, который не был защищён, и направил её на колонну. Затем он вручную отключил все предохранители, кроме одного. И нажал кнопку.

Сначала ничего не произошло. Потом воздух вокруг станции задрожал. Волосы на руках Алексея встали дыбом. Лампы замигали и погасли. Буран жалобно взвизгнул. А затем раздался низкий, гудящий удар, как будто где-то рядом ударил огромный колокол. На экране радара все отметки на юге исчезли. Просто пропали. Четыре машины, глушилка, пехотинцы — всё превратилось в пустоту. Алексей выключил питание. Тарелка замерла. В отсеке стало темно. Только аварийные лампы тускло светились красным. Он подошёл к окну. В тумане, на юге, не было ничего. Только тишина. И запах горелой электроники.

Он вернулся к пульту. Включил аварийное питание.

Экран радара ожил. И на нём, прямо по центру, появилась одна единственная отметка. Она была большой. И она двигалась прямо к станции. Пешком. Медленно. Уверенно. Алексей увеличил масштаб. Это был человек. Один. Без оружия. Он шёл по дороге, не скрываясь. И когда он подошёл на расстояние прямой видимости, Алексей увидел его в окно. Это была женщина. Высокая, в чёрном плаще, с короткими светлыми волосами. Она остановилась в пятидесяти метрах от станции и подняла руки. В одной у неё был термос. В другой — рация. Она нажала на кнопку, и из динамика на пульте Алексея раздался спокойный, чуть насмешливый голос:

— Лёша, открой дверь. Я знаю, что ты меня видишь. И я знаю, что у тебя осталось всего два патрона. Так что давай поговорим. У меня есть кофе и очень интересная история. Про твой сигнал. И про то, почему тебя хотят убить.

Алексей посмотрел на Бурана. Пёс поднял голову и тихо рыкнул. Алексей вздохнул.

Глава 2. Кофе, который не предлагают просто так

Алексей смотрел на женщину в окно и лихорадочно соображал. Два патрона. Откуда она знает? Он ведь никому не говорил. Даже Бурану. Хотя Бурану он вообще ничего не говорил, если не считать того, что назвал его Бураном. Но собака вряд ли могла передать эту информацию. Разве что телепатически. Но телепатия в списке функций тарелки не значилась. Значит, женщина знала больше, чем говорила. И это было одновременно и плохо, и хорошо. Плохо, потому что неизвестность всегда хуже определённости. Хорошо, потому что если она знает так много, может, она знает и выход.

Буран снова рыкнул. Алексей положил руку ему на голову, успокаивая.

— Тихо, дружище. Посмотрим, что она нам скажет.

Он взял дробовик, проверил, что в стволе есть патрон, и направился к выходу. Дверь станции была тяжёлой, стальной, с тремя засовами. Алексей открыл два, но третий оставил на месте. Осторожность никогда не помешает. Он приоткрыл дверь на ширину ладони и высунул ствол дробовика в щель.

— Ближе не подходи, — сказал он. — Говори оттуда.

Женщина усмехнулась. Она стояла всё там же, в пятиде-

сяти метрах, и, судя по всему, никуда не собиралась. Туман клубился вокруг её ног, как живое существо. Плащ был мокрым от дождя, но она не обращала на это внимания.

— Лёша, если бы я хотела тебя убить, я бы не стояла здесь с термосом. Я бы уже сидела в твоём кресле и пила твой кофе. Кстати, он у тебя ужасный. Растворимый. Ты бы мог позволить себе что-нибудь лучше.

— У меня зарплата техника, а не директора Газпрома, — огрызнулся Алексей. — И вообще, откуда ты меня знаешь?

— Я тебя не знаю. Я знаю о тебе. Разные вещи. Это не одно и то же. Меня зовут Вера. Вера Соколова. Я работаю на организацию, у которой нет названия. И которая, к сожалению, не смогла предотвратить то, что случилось сегодня ночью.

— Что случилось? — насторожился Алексей. — Я поймал сигнал. Какой-то идиот решил активировать спящего агента. Я попытался сообщить. Мне сказали, что приедут «чистильщики». Я защищался. Всё.

— Не всё, — покачала головой Вера. — Ты поймал не просто сигнал. Ты поймал начало операции «Гидра». Ты знаешь, что это за операция?

— Понятия не имею.

— Тогда слушай. И, пожалуйста, опусти дробовик. Он тебе не понадобится. По крайней мере, против меня. У меня есть кофе. Настоящий. В термосе. И ещё бутерброды с колбасой. Я знаю, что ты не ел нормально уже сутки.

Желудок Алексея предательски заурчал. Он поморщился.

Буран, услышав про бутерброды, высунул морду в щель и радостно гавкнул.

— И собаке тоже дам, — добавила Вера. — У меня есть специальный корм. Для служебных собак.

— Он не служебный, — сказал Алексей. — Он... трофейный.

— Тем более. Трофеи нужно кормить.

Алексей колебался. С одной стороны, пускать незнакомо-го человека на станцию было верхом безрассудства. С другой стороны, она была права. Он устал. Он был голоден. И он хотел понять, что, чёрт возьми, происходит. Он открыл третий засов и распахнул дверь.

— Заходи. Но медленно. И руки держи на виду.

Вера вошла. Она была высокого роста, почти с Алексея, и двигалась с той уверенной, экономной грацией, которая бывает у людей, привыкших к опасности. Плащ она сняла у порога и повесила на крючок, оставшись в чёрном свитере и тёмных брюках. На поясе у неё висела кобура, но пистолета в ней не было. Алексей это отметил.

— Оружие оставила снаружи, — сказала Вера, перехватив его взгляд. — Как видишь, я пришла с миром.

— Или ты просто хочешь, чтобы я так думал.

— Или так. Но ты всё равно уже впустил меня. Так что давай не будем тратить время на взаимные подозрения. У нас его мало.

Она прошла в кухню, как будто знала дорогу. Поставила

термос на стол, достала из кармана свёрток с бутербродами, а из другого кармана — пластиковый контейнер с кормом для собаки. Буран, который ковылял за ней, насторожился, принюхался и завилял хвостом. Вера открыла контейнер и поставила на пол. Пёс жадно набросился на еду.

— Ты знала, что он придёт, — сказал Алексей, наблюдая за этой сценой. — Ты знала, что здесь будет собака.

— Я знала, что «чистильщики» возьмут с собой собак. Они всегда берут. Для поиска. Но я не знала, что одна из них убежит. Это... приятная неожиданность.

— Приятная?

— Собаки не врут. Если она к тебе пришла, значит, ты не плохой человек. Или, по крайней мере, не хуже других.

Алексей усмехнулся. Он взял предложенный бутерброд и откусил. Колбаса была настоящей. Докторская. Свежая. Он застонал от удовольствия.

— Господи, как вкусно. Ты волшебница.

— Нет, я просто знаю, что нужно человеку, который сутки не жрал.

Вера налила кофе из термоса в две кружки. Аромат был божественный. Алексей сделал глоток и почувствовал, как напряжение последних часов начинает отпускать. Немного. Совсем чуть-чуть.

— Итак, — сказал он, усаживаясь за стол. — Что за операция «Гидра»? И почему меня хотят убить?

Вера села напротив. Она сделала глоток кофе, посмотрела

на него внимательно, как будто решала, стоит ли говорить правду. Потом вздохнула и начала.

— Операция «Гидра» началась в восемьдесят шестом году. Тогда ещё существовал Советский Союз, и тогда ещё шла холодная война. Генеральный штаб разработал программу создания сети «спящих» агентов. Людей, которые жили обычной жизнью, работали, растили детей, ходили в кино. Но в их подсознании была заложена программа. Код. И когда поступал сигнал активации, они превращались в совершенно других людей. В солдат. В убийц. В диверсантов.

— И много таких было?

— Точное число неизвестно. Но по нашим данным, только на территории России их около двухсот. Они есть в каждом крупном городе. В Новосибирске, в Екатеринбурге, в Москве, в Санкт-Петербурге. Они ждут сигнала. И сегодня ночью этот сигнал был передан.

Алексей поставил кружку. У него пересохло во рту.

— Я поймал сигнал активации? Я думал, это единичный случай. Один агент.

— Ты поймал не сигнал активации. Ты поймал сигнал проверки. Тестовый импульс. Они проверяли, работает ли сеть. И она работает. Через несколько дней будет передан настоящий сигнал. И тогда все двести «спящих» проснутся одновременно. Ты понимаешь, что это значит?

— Диверсии. Убийства. Хаос.

— Хуже. Это значит, что кто-то готовит государственный

переворот. Или войну. Или и то, и другое. Мы не знаем точно. Но мы знаем, что этот кто-то очень могущественный. И он не хочет, чтобы кто-то узнал о его планах. Поэтому он послал «чистильщиков». Они должны были уничтожить станцию и тебя. Но ты оказался не таким простым техником, как они думали.

Алексей откинулся на спинку стула. В голове гудело. Он всегда знал, что в мире есть тайны. Но одно дело — читать о них в интернете, и совсем другое — оказаться в центре одной из них. Он посмотрел на Бурана. Пёс доел корм и теперь спал, положив голову на лапы. Счастливый. Ничего не знающий о мировых заговорах.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросил Алексей. — Если это такой секрет, зачем посвящать меня?

— Потому что ты уже в этом по уши. И потому что мне нужна твоя помощь.

— Моя? Я техник. Я умею чинить тарелки и варить кофе. Я не Джеймс Бонд.

— Ты только что уничтожил вертолёт, три машины, дрон и отряд «чистильщиков». С помощью тарелки и смекалки. Я бы сказала, что это очень даже неплохо для техника.

Алексей хотел возразить, но понял, что возражать нечем. Он действительно сделал всё это. И, честно говоря, ему это даже немного нравилось. Адреналин, который бурлил в крови, был приятным. Как будто он всю жизнь сидел в берлоге, а теперь вышел на охоту.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

— Сигнал. Тот, который ты поймал. У тебя есть его запись?

— Есть. В памяти станции. Я сохранил всё.

— Хорошо. Нам нужно расшифровать его. В нём может быть информация о том, кто стоит за операцией. Частоты, координаты, имена. Если мы сможем это выяснить, мы сможем остановить их.

— А кто «мы»? Твоя организация? У неё есть название? Штат? Офис?

Вера усмехнулась.

— Организация есть. Названия нет. Штат — я и ещё три человека. Офиса нет. Мы работаем из фургона, который стоит в лесу в тридцати километрах отсюда. И, к сожалению, у нас нет ни армии, ни спутников, ни суперкомпьютеров. Только старые связи, немного денег и очень много желания остановить то, что задумали плохие люди.

— Звучит не очень обнадеживающе.

— Зато честно. Я не обещаю тебе золотые горы. Я предлагаю тебе выбор. Ты можешь остаться здесь, заварить чай и ждать, пока за тобой придут. Или ты можешь пойти со мной. Рискнуть. Помочь. И, возможно, спасти тысячи жизней.

Алексей молчал. Он думал. О своей жизни. О том, что она превратилась в рутину. Работа, дом, работа, дом. Ни семьи, ни друзей, ни цели. Только тарелка и космос. А теперь появилась цель. И, что самое смешное, он чувствовал, что

это его шанс. Шанс сделать что-то важное. Что-то, что имеет значение.

— А что будет с Бураном? — спросил он вдруг.

— С кем?

— С собакой. Я его так назвал. Буран.

Вера посмотрела на спящего пса и улыбнулась.

— Он может пойти с нами. В фургоне есть место. И корм. И даже подстилка. Я думаю, он не откажется.

— Тогда я согласен, — сказал Алексей. — Но с одним условием.

— С каким?

— Ты расскажешь мне всё. Всё, что знаешь. Без утайки. Я не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Вера кивнула.

— Договорились. Но сначала нам нужно забрать запись сигнала и уничтожить станцию. Мы не можем оставить её «чистильщикам». Они пошлют подкрепление. И на этот раз их будет слишком много.

Алексей вздохнул. Станция была его домом. Пусть холодным, пусть одиноким, но домом. Он провёл здесь пять лет. Каждый винтик, каждый провод, каждый кабель он знал наизусть. Уничтожить всё это было больно. Но Вера была права. Если оставить станцию, враги смогут её использовать. Или, что хуже, смогут найти в её памяти данные о сигнале.

— Хорошо, — сказал он. — Дай мне час. Я скопирую данные и подготовлю станцию к уничтожению.

— У тебя есть план?

— Есть. Я перегружу магнетрон. Он взорвётся и сожжёт всё. Останется только бетонное основание и куча металлолома. Никто не сможет восстановить данные.

— А сам успеешь убежать?

— Успею. Я знаю здесь каждый закоулок. И у меня есть старый вездеход в гараже. Он на ходу. Если, конечно, «чи-стильщики» его не нашли.

— Не нашли. Они подходили с юга и востока. Гараж с севера. Я проверила, когда шла сюда.

Алексей снова удивился её осведомлённости, но промолчал. Он встал, подошёл к пульту и начал копировать данные на старый армейский накопитель, который хранился в сейфе. Вера тем временем осматривала отсек. Она подошла к окну, выглянула в туман, потом вернулась к столу и допила свой кофе.

— Знаешь, — сказала она, — я много где была. И много чего видела. Но такого, как здесь, не видела никогда. Ты в одиночку отбилсЯ от отряда профессионалов. С помощью радиотелескопа. Это... впечатляет.

— Мне просто повезло, — буркнул Алексей, не отрываясь от работы.

— Везение — это тоже талант. И я рада, что ты на нашей стороне.

Она замолчала. Алексей работал. Буран спал. Где-то вдалеке, в тумане, прогремел глухой взрыв. Видимо, рванул

один из боеприпасов в сгоревшей машине. Никто не обратил на это внимания. Время шло.

Через час данные были скопированы. Алексей отключил накопитель, убрал его во внутренний карман куртки и начал последнюю процедуру. Он ввёл команду на перегрузку магнетрона, установил таймер на двадцать минут и отключил систему охлаждения. Тарелка начала гудеть. Гул нарастал, становился всё более низким и зловещим. Это был звук умирающего гиганта.

— Пора, — сказал Алексей. — У нас двадцать минут. Потом здесь будет очень жарко.

Он подхватил дробовик, свистнул Бурану. Пёс вскочил, встревоженно гавкнул и побежал за ним. Вера уже стояла у двери с плащом в руках. Они вышли наружу. Туман стал ещё гуще. Видимость упала до десяти метров. Это было даже к лучшему. Их не увидят с дороги.

Гараж находился в ста метрах от главного здания. Алексей повёл группу по узкой тропинке, которую знал только он. Буран хромал, но не отставал. Вера шла следом, бесшумно, как тень. Через пять минут они были у гаража. Это был старый, покосившийся сарай, обитый ржавым железом. Внутри стоял вездеход — гусеничный, зелёный, с брезентовым верхом. Выглядел он так, будто его собрали ещё при царе Горохе, но Алексей знал, что машина надёжная. Он сам перебрал двигатель прошлой зимой.

— Садись за руль, — сказал он Вере. — Я буду показывать

дорогу.

— Ты уверен, что он заведётся?

— Он всегда заводится. Это единственное, что здесь работает безотказно.

Он помог Бурану забраться в кузов, потом сел рядом с Верой. Она повернула ключ. Двигатель чихнул, закашлялся, но завёлся. Вездеход задрожал и медленно выкатился из гаража. Они поехали по старой, заросшей травой дороге, в сторону леса. Позади, на станции, тарелка начала светиться. Гул стал невыносимым. Буран заскулил. Алексей обернулся и посмотрел на свой дом. Он знал, что через минуту его не станет.

— Прощай, «Призма-7», — прошептал он. — Спасибо за всё.

Взрыв был оглушительным. Даже на расстоянии в километр вездеход подбросило. Алексей ударился головой о брезентовый каркас, выругался. Буран залаял. Вера вцепилась в руль. В небо взметнулся столб огня и чёрного дыма. Тарелка, его гордость и его оружие, превратилась в грудку раскалённого металла. Ударная волна прошла по лесу, срывая ветки и листья. Туман на мгновение рассеялся, и Алексей увидел вдалеке, на дороге, колонну машин. Они стояли. Они видели взрыв. И они теперь точно знали, что он жив.

— Они поедут за нами, — сказала Вера. — Нам нужно спешить.

— У нас есть фора, — ответил Алексей. — Пока они до-

берутся до места взрыва, пока разберутся, что к чему, мы уже будем далеко.

— Ты знаешь, куда мы едем?

— Знаю. У меня есть старый охотничий домик в горах. В пятидесяти километрах отсюда. Там есть связь и еда. Можно переждать и подумать.

Вера кивнула и нажала на газ. Вездеход рванул вперёд, подминая кусты и оставляя за собой глубокие колеи. Алексей откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. В голове всё ещё гудело. Он только что уничтожил станцию. Он стал беглецом. И он ввязался в игру, правила которой не знал. Но, странное дело, он не жалел. Впервые за долгое время он чувствовал, что живёт. По-настоящему живёт.

Буран положил голову ему на колени. Алексей погладил его по мокрой шерсти.

— Ничего, дружище, — сказал он. — Прорвёмся.

Вера усмехнулась.

— Ты всегда такой оптимист?

— Нет. Просто у меня хорошая компания.

Она ничего не ответила, но Алексей заметил, что она улыбнулась. А это уже было что-то. В этом безумном, опасном мире, где за ними гнались убийцы, где на кону стояли тысячи жизней, где всё было против них, — улыбка была маленькой, но важной победой. И Алексей собирался выигрывать эту войну. Шаг за шагом. Патрон за патроном.

Вездеход скрылся в лесу. Туман сомкнулся за ним, как

вода. Станция «Призма-7» догорала. Где-то вдалеке, в Новосибирске, в маленькой квартире на пятом этаже, мужчина в очках проснулся от странного ощущения. Он не знал, что оно значит. Но он встал, подошёл к окну и долго смотрел на звёзды. Где-то там, в глубине его сознания, что-то щёлкнуло. Как переключатель. И он понял, что скоро всё изменится. Он ещё не знал, что именно. Но он чувствовал. И это чувство ему не нравилось.

Вездеход полз по разбитой лесовозной дороге, подпрыгивая на корнях и ухабах. Фары выхватывали из тумана мокрые стволы сосен, которые возникали перед ними, как призраки, и тут же исчезали позади. Алексей держался за поручень, чувствуя, как от тряски начинают болеть зубы. Буран в кузове тихо поскуливал, но не жаловался. Вера вела уверенно, без лишней суеты. Она, казалось, видела дорогу даже сквозь эту белую пелену.

— Ты здесь раньше бывала? — спросил Алексей, перекивая рёв двигателя.

— Бывала. Но не в этом районе. Я вообще много где бывала. Работа такая.

— И что это за работа? Ты сказала — организация без названия. Это как? Как вы вообще существуете? На что живёте?

Вера хмыкнула, не отрывая взгляда от дороги.

— Существуетем на старые связи и на энтузиазм. Нас было пятеро. Двое погибли в прошлом году. Ещё один пропал без

вести. Осталась я и мой напарник. Он сейчас в фургоне, ждёт нас. Его зовут Гриша. Он бывший военный, радист. Немного странный, но надёжный.

— Странный — это как?

— Увидишь. Он коллекционирует модели самолётов и разговаривает с ними. Но если нужно что-то починить или настроить — лучшего специалиста не найти.

Алексей хотел спросить ещё что-то, но вездеход внезапно клюнул носом и заглох. Вера чертыхнулась, повернула ключ. Двигатель чихнул и замолчал окончательно.

— Только не это, — простонал Алексей. — Только не сейчас.

Он выскочил из кабины, поднял капот. В лицо ударил запах горелого масла и горячего металла. Двигатель был старый, дизельный, но в целом надёжный. Алексей сам его перебирал. Он быстро осмотрел топливную систему, проверил патрубки. Всё было в порядке. Тогда он заглянул в воздушный фильтр. Тот был забит грязью и листьями. Вездеход стоял в гараже несколько месяцев, и за это время в фильтр набилась всякая дрянь.

— Нашёл, — сказал он Вере. — Фильтр забит. Нужно прочистить. Дай мне минут десять.

— У нас нет десяти минут, — ответила она, глядя на часы. — Они уже, наверное, добрались до станции. Скоро поймут, что нас там нет, и начнут прочёсывать лес.

— Тогда пять минут. Держи.

Он снял фильтр, продул его, вытряхнул грязь, потом протёр тряпкой. Руки мгновенно почернели. Буран, который вылез из кузова и теперь стоял рядом, наблюдал за процессом с большим интересом. Он даже попытался лизнуть фильтр, но Алексей отогнал его.

— Нельзя, дружище. Это тебе не косточка.

Через семь минут двигатель снова завёлся. На этот раз ровно, без чихания. Алексей захлопнул капот, вытер руки о штаны и запрыгнул обратно в кабину.

— Поехали.

Вера надавила на газ. Вездеход снова двинулся вперёд, но теперь Алексей не сводил глаз с зеркала заднего вида. Пока ничего. Туман был густой, и это их спасало. Но он знал, что «чистильщики» не дураки. Они найдут следы гусениц. И тогда начнётся погоня.

Они ехали ещё минут двадцать, углубляясь в лес. Дорога становилась всё уже и всё хуже. Ветки хлестали по брезенту, оставляя мокрые полосы. Вездеход накренился, переваливаясь через поваленное дерево. Буран в кузове недовольно гавкнул.

— Твой домик далеко? — спросила Вера.

— Ещё километров двадцать. Но если дорога совсем кончится, придётся идти пешком.

— Пешком мы не успеем.

— Успеем. Главное — не паниковать.

Внезапно в зеркале мелькнул свет. Далёкий, слабый, но

unmistakably — фары. Алексей напрягся.

— Они нас нашли. Сзади, метров на восемьсот.

— Сколько машин?

— Пока одна. Но это разведка. За ней пойдут остальные.

Вера прибавила скорость. Вездеход взревел, но быстро выдохся — дорога не позволяла разогнаться. Алексей лихорадочно соображал. У них было преимущество: они знали местность. Но «чистильщики» были лучше вооружены и, скорее всего, имели тепловизоры. В тумане они увидят тепло двигателя за километр.

— Есть план, — сказал он. — Впереди, через полкилометра, будет развилка. Старая дорога уходит в болото. Она есть на картах, но проходима только для гусеничной техники. Мы свернём туда. Они на колёсных машинах туда не сунутся. А если сунутся — увязнут.

— А мы не увязнем?

— Мы — нет. Я знаю там каждую кочку. Сам ездил по этой дороге на охоту.

Развилка появилась через пару минут. Вера резко повернула направо. Вездеход накренился, едва не перевернулся, но выровнялся. Дорога здесь была хуже некуда. Грязь, колеи, торчащие корни. Но Алексей был прав. Машина шла уверенно, цепляясь гусеницами за мокрую землю. Фары сзади замедлились. Потом остановились. «Чистильщики» явно не решались ехать за ними в болото.

— Сработало, — выдохнула Вера. — Они не поехали.

— Это пока. Они поедут в объезд. Или вызовут вертолёт. Или пойдут пешком. У нас есть полчаса, не больше.

Они ехали по болоту ещё минут десять. Дорога петляла между кочками и чахлыми берёзками. Туман здесь был ещё гуще, смешанный с запахом торфа и сырости. Буран чихнул. Алексей погладил его по голове.

— Ничего, дружище. Скоро выберемся.

Наконец, впереди показался просвет. Дорога вышла на твёрдую землю, и они оказались на поляне, окружённой высокими соснами. В центре поляны стоял небольшой, но крепкий охотничий домик. Сруб из тёмного дерева, маленькие окна, труба. Рядом — баня, покосившаяся, но ещё живая. И — что самое важное — под навесом стоял старый, потрёпанный фургон. Серый, неприметный, с антенной на крыше.

— Вот и наш штаб, — сказала Вера, останавливая вездеход. — Гриша, принимай гостей!

Дверь фургона открылась, и на пороге появился мужчина. Худой, высокий, в очках с толстыми линзами и в вязаной шапке, которая сползла набок. Он был одет в камуфляжные штаны и старый свитер с оленями. На плече у него сидела маленькая модель самолёта. Он посмотрел на Алексея, на Бурана, потом на Веру.

— Это что, собака? — спросил он вместо приветствия.

— Собака, — подтвердила Вера. — Её зовут Буран. Он наш новый союзник.

— А это кто? — Гриша кивнул на Алексея.

— Это тот самый техник. Тот, который уничтожил станцию и половину отряда «чистильщиков».

Гриша присвистнул.

— Впечатляет. Я слышал взрыв. Думал, что всё, конец. А вы, значит, живы.

— Живы, — сказал Алексей. — Но за нами хвост. Они знают, что мы где-то здесь. Нам нужно уходить. Или прятаться.

Гриша посмотрел на него внимательно, потом перевёл взгляд на модель самолёта у себя на плече.

— Слышал, Сокол? У нас гости. Пойдём, накормим их.

Он развернулся и исчез внутри фургона. Алексей посмотрел на Веру.

— Он всегда так?

— Всегда. Но он гений. Потерпи.

Они зашли в фургон. Внутри было тесно, но уютно. Вдоль стен — полки с аппаратурой, радики, мониторы. В углу — маленькая газовая плитка и чайник. На столе — карта района, испещрённая пометками. Гриша уже хлопотал у плитки, заваривая чай. Модель самолёта он посадил на полку рядом с десятком других.

— Итак, — сказал он, не оборачиваясь. — Ситуация. Вы уничтожили станцию. Это плохо, потому что мы потеряли возможность отслеживать сигналы. Но хорошо, потому что «чистильщики» не получили данные. Что у нас есть?

— У нас есть запись сигнала, — сказал Алексей, достав накопитель. — Вот. Все данные, которые я успел скопировать.

Гриша взял накопитель, повертел его в руках, потом подключил к одному из мониторов. На экране появились графики и цифры. Он смотрел на них минуту, потом другую. Его лицо становилось всё более серьёзным.

— Это не просто сигнал активации, — сказал он наконец. — Это закодированное сообщение. Тут есть координаты. И время. И... что-то ещё. Что-то, что я не могу расшифровать сразу. Но это точно не просто «проснись и иди». Это приказ. Конкретный приказ. Кому-то конкретному.

— Кому? — спросила Вера.

— Не знаю. Но координаты указывают на Новосибирск. Центр города. И время — послезавтра, полдень. Значит, у нас есть два дня.

Алексей сел на стул. Два дня. Два дня до того, как всё начнётся. До того, как сотни «спящих» проснутся и начнут убивать. Он посмотрел на Веру. Она была бледной, но собранной.

— Что мы можем сделать? — спросил он.

— Мы должны найти того, кому адресован сигнал, — сказала Вера. — Если мы найдём его до активации, мы сможем остановить цепочку. Или, по крайней мере, предупредить власти.

— Власти? — Алексей горько усмехнулся. — Ты сама ска-

зала, что за этим стоят очень могущественные люди. Кто нам поверит? Техник и девушка без названия?

— У нас есть доказательства, — сказал Гриша. — Запись сигнала. Координаты. Если мы предоставим это в правильные руки...

— В правильные руки, — перебила его Вера. — Но мы не знаем, какие руки правильные. Мы не знаем, кому можно доверять. Поэтому мы должны действовать сами.

— Сами? — Алексей вскочил. — Нас трое. И собака. Против целой сети агентов и неизвестно скольких «чистильщиков». Это самоубийство.

— А сидеть здесь и ждать — это не самоубийство? — Вера посмотрела на него в упор. — Они найдут нас. Рано или поздно. И тогда у нас не будет ни шанса. Сейчас у нас есть шанс. Маленький, но есть.

Алексей замолчал. Он понимал, что она права. Бежать некуда. Прятаться бессмысленно. Остаётся только одно — идти вперёд. В самое пекло.

— Ладно, — сказал он. — Допустим. Но как мы найдём этого «спящего»? В Новосибирске миллион человек. Мы не знаем ни имени, ни адреса.

— В сигнале есть код, — сказал Гриша, не отрываясь от экрана. — Он зашифрован, но структура знакомая. Я видел такие коды в восьмидесятых. Это армейская система. Если я правильно понимаю, код содержит идентификатор. Что-то вроде личного номера агента. Если мы сможем сопоставить

его с базой данных...

— У нас нет базы данных, — сказала Вера.

— У нас нет. Но она есть у военных. В архивах. Старые архивы не уничтожили. Я знаю, где они хранятся. В Новосибирске, в подвале бывшего штаба округа. Сейчас там склад, но документы остались.

— Ты предлагаешь пробраться на военный склад? — спросил Алексей.

— Не пробраться. Проникнуть. Это разные вещи. Я знаю одного человека, который может помочь. Старый прапорщик, который там работает сторожем. Он мне кое-что должен. Если я попрошу, он нас пустит.

Вера кивнула.

— Хорошо. Тогда план такой. Мы едем в Новосибирск. Гриша связывается с прапорщиком и договаривается о доступе в архив. Мы находим идентификатор агента. Потом находим самого агента. И... — она замолчала.

— И что? — спросил Алексей.

— И решаем, что с ним делать. Убить. Или обезвредить. Или перевербовать. Но сначала — найти.

Алексей посмотрел на Бурана. Пёс лежал у его ног и, казалось, слушал разговор. Он поднял голову и посмотрел на Алексея так, будто спрашивал: «Ну что, хозяин, вяжемся?»

— Хорошо, — сказал Алексей. — Я в деле. Но у меня есть ещё одно условие.

— Какое? — спросила Вера.

— Мы возьмём с собой Бурана. Он спас мне жизнь. Я не брошу его.

Вера улыбнулась.

— Собака — не проблема. В Новосибирске у меня есть квартира. Там можно спрятаться. И там есть место для пса.

— У тебя есть квартира в Новосибирске? — удивился Алексей.

— У меня много чего есть. Я же говорила — я работаю на организацию. Пусть даже без названия.

Она встала, взяла со стола кружку с чаем и сделала глоток. Потом посмотрела на Алексея.

— Отдохни. Через час выезжаем. Гриша, подготовь аппаратуру. Нам нужно быть на связи постоянно. И проверь, работает ли глушилка. Если они нас засекут, у нас будет минута, не больше.

Гриша кивнул и снова уткнулся в монитор. Вера вышла из фургона. Алексей остался сидеть, глядя на карту. Новосибирск. Город, в котором он был всего пару раз в жизни. И теперь ему предстояло найти там иголку в стоге сена. Или, точнее, бомбу с часовым механизмом.

Буран положил голову ему на колени. Алексей погладил его.

— Что, дружище, страшно? Мне тоже. Но, знаешь, есть в этом что-то... правильное. Как будто я всю жизнь ждал чего-то подобного. Сидел на своей станции, слушал космос, а на самом деле готовился к этому. К войне. К борьбе.

Пёс вздохнул и закрыл глаза. Алексей откинулся на спинку стула и тоже закрыл глаза. Через час они уедут. Через два дня, возможно, всё закончится. Или начнётся. Он не знал. Но он был готов. Насколько вообще можно быть готовым к тому, что за тобой охотятся убийцы, а на кону — жизни тысяч людей.

Он открыл глаза и посмотрел на монитор. Гриша уже что-то печатал, бормоча под нос:

— Сокол, ты слышал? У нас гости. Настоящие. Не то что эти бумажные тигры. Настоящие.

Алексей улыбнулся. Сумасшедший радист. Девушка без прошлого. Бродячая собака. И он, техник, который вчера чинил лебёдку, а сегодня стал солдатом. Отличная команда. Просто отличная.

Он встал, потянулся и пошёл к выходу. Нужно было подышать свежим воздухом перед дорогой. Туман немного рассеялся. Над лесом висело серое, низкое небо. Где-то там, вдалеке, в городе, мужчина в очках снова проснулся. Он не помнил, что ему снилось. Но он знал, что должен что-то сделать. Что-то важное. Он ещё не знал, что именно. Но он ждал. Как ждали другие. Двести человек. Двести бомб. Двести глав, которые ещё не были написаны.

Глава 3. Город, который спит с открытыми глазами

Дорога до Новосибирска заняла почти шесть часов. Вездеход они бросили в лесу, в двадцати километрах от трассы, замаскировав ветками и мхом. Дальше добирались на старенькой «Ниве», которую Гриша держал в тайнике неподалёку от охотничьего домика. Машина была ржавая, дребезжала на каждом ухабе, но двигатель работал ровно, и печка грела так, что Буран, устроившийся на заднем сиденье, периодически высовывал язык от удовольствия.

Алексей сидел впереди, рядом с Верой. Гриша остался в фургоне — он должен был следить за эфиром и поддерживать связь. Перед отъездом он вручил Алексею маленькую рацию, размером с пачку сигарет, и строго наказал не выключать её ни при каких обстоятельствах.

— Если что-то случится, — сказал он, поправляя очки, — просто нажми вот эту кнопку. Я услышу. Даже если ты будешь в подземелье. Даже если ты будешь на дне океана. Я услышу.

— А если я буду в аду? — спросил Алексей.

— Тогда я услышу тебя быстрее, чем дьявол. Я привык к горячим линиям.

На том и попрощались.

Трасса была почти пустой. Редкие фуры проносились мимо, обдавая «Ниву» фонтанами грязной воды. Осень здесь, в предгорьях, была ещё в разгаре, но ближе к городу она сдавала позиции. Деревья стояли наполовину голые, под ногами хлюпала грязь, а небо стало выше и светлее, хотя солнце так и не показалось. Алексей смотрел в окно и чувствовал, как внутри нарастает странное чувство. Он не был в большом городе почти год. И теперь, глядя на приближающиеся многоэтажки, он ощущал что-то среднее между любопытством и тревогой.

— Волнуешься? — спросила Вера, не отрываясь от дороги.

— Есть немного. Я привык к тишине. А там будет шум. Люди. Машины. Всё это.

— Привыкнешь. Ты быстро адаптируешься. Я видела, как ты действовал на станции. Ты не из тех, кто теряется.

— На станции я был у себя дома. А здесь я никто. Просто техник без работы и без документов.

— Документы у тебя есть. Я позаботилась.

Она протянула ему паспорт. Алексей открыл его и удивлённо поднял брови. Это был его паспорт, но в нём стояла новая прописка и отметка о регистрации по месту пребывания в Новосибирске.

— Откуда ты это взяла?

— Я же говорила. У меня есть связи. Не спрашивай, как. Просто прими как данность.

Алексей покачал головой. Эта женщина продолжала его удивлять. Он сунул паспорт в карман и снова уставился в окно.

Город встретил их серыми улицами и пробками. «Нива» ползла в потоке машин, мимо мелькали вывески магазинов, рекламные щиты, остановки с мокрыми от дождя людьми. Буран приник к окну и с интересом разглядывал прохожих. Он, судя по всему, в городе тоже был впервые.

— Куда мы едем? — спросил Алексей.

— Ко мне. В Заельцовский район. Там тихо, много зелени и мало любопытных соседей. Идеальное место, чтобы спрятаться на пару дней.

Квартира Веры находилась на четвёртом этаже старого пятиэтажного дома. Дом был кирпичный, с высокими потолками и скрипучими деревянными полами. Во дворе росли тополя, а под окнами стояла детская площадка с покосившимися качелями. Вера открыла дверь, и Алексей вошёл внутрь.

Квартира была небольшой, но уютной. Две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Мебель — старая, но крепкая. На стенах — несколько фотографий в рамках. Пейзажи, горы, море. Никаких людей. На полке — книги. Много книг. История, философия, немного фантастики. И — что удивило Алексея — целая полка с детективами.

— Ты читаешь детективы? — спросил он.

— Читаю. Иногда. Чтобы понимать, как думают люди, ко-

которые нас ищут. И как думаем мы.

Буран обошёл квартиру, обнюхал каждый угол, потом улёгся на коврик в прихожей и вздохнул. Он явно устал от дороги.

— Ему нужно поесть, — сказала Вера. — И тебе тоже. Я приготовлю что-нибудь.

Она ушла на кухню, а Алексей остался в комнате. Он подошёл к окну и выглянул. Двор был тихим. Женщина с коляской, мальчик на велосипеде, старик на лавочке. Обычная жизнь. Мирная. И где-то среди этих людей, в одной из таких же квартир, жил человек, который через два дня должен был проснуться и стать убийцей. Алексей поёжился.

Вера вернулась через полчаса. Она поставила на стол тарелку с макаронами и сосисками, нарезала хлеб, налила чай. Алексей ел молча, но с аппетитом. Буран получил свою порцию и тоже не жаловался.

— Итак, — сказал Алексей, отодвигая тарелку. — Что дальше?

— Дальше — архив. Гриша уже связался с прапорщиком. Его зовут Николай Петрович. Он согласился пустить нас сегодня ночью. Склад находится в подвале бывшего штаба, на Красном проспекте. Сейчас там хранятся старые документы, которые никому не нужны. Но среди них есть то, что нужно нам.

— И как мы туда попадём?

— Николай Петрович встретит нас у чёрного хода. Он

проведёт нас внутрь и оставит на час. У нас будет ровно шестьдесят минут, чтобы найти документы. Потом он вернётся, и мы уйдём. Если всё пройдёт гладко, никто ничего не узнает.

— А если не гладко?

— Тогда у нас есть план «Б». Но я надеюсь, что он не понадобится.

Алексей хотел спросить, что за план «Б», но передумал. Он и так знал, что в этой истории планы редко срабатывают идеально.

До ночи оставалось ещё несколько часов. Вера ушла в другую комнату — работать с ноутбуком, как она сказала. Алексей остался в комнате с Бураном. Он лёг на диван, но сон не шёл. В голове крутились мысли. О станции, о взрыве, о «чистильщиках». И о том, что он теперь ввязался в игру, из которой не было выхода.

Буран подошёл к дивану и положил голову ему на грудь. Алексей погладил его.

— Знаешь, дружище, — прошептал он. — Я всю жизнь думал, что я одиночка. Что мне никто не нужен. Что я сам справлюсь. А сейчас я понимаю, что без Веры и Гриши я бы уже был трупом. И без тебя, наверное, тоже.

Пёс вздохнул и лизнул его в щёку. Алексей улыбнулся.

— Ладно. Отдохнём. Ночь будет долгой.

Он закрыл глаза и, сам не заметив как, заснул.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Это

была Вера. Одета в чёрное, с сумкой через плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.